

ЧАС ВЕДЬМЫ

КРИС
БОДЖАЛИАН

ПЕРЕВОД ДАРЬИ СМИРНОВОЙ

роман

МИОО

Пролог

Дьявол всегда мог быть поблизости.

Конечно, Бог все видел. Как и Спаситель.

Поэтому они никогда не оставались совершенно одни. Даже когда отправлялись к илистым берегам или соленым топям, которые называли Черным заливом, потому что во время прилива их почти полностью покрывала вода, или когда им случалось подниматься на Тригорье — на самом деле три отдельных холма: Хлопковый, Страж и Маяк, — которые они в прямом смысле сплюснули, когда рыли землю и строили дамбы, причалы и склады. Даже на узком перешейке, который вел к большой земле, даже в лесу (и особенно когда они были не в лесу) на дальнем краю узкой косы.

Они знали, что нечто таится рядом, когда они словно бы одни оставались в своих маленьких темных домах — с окнами-шелками, часто закрытыми от ветра и холода, — когда мужчина писал в своем дневнике (по сути, учетной книге, куда он скрупулезно вносил события каждого дня и отчеты о своем состоянии в попытке вычислить, не относится ли он к числу избранных) или женщина мимоходом записывала несколько поэтических строк, посвященных деревьям, рекам либо восхитительным песчаным дюнам, в ночи перекатывающимся, точно морские волны.

Иногда чужое присутствие пугало, особенно если появлялись признаки, что за этим стоит Дьявол. Но наступали моменты, когда оно успокаивало и они, лишь овцы под божественной волей, не чувствовали себя одиноко

в компании пастуха. Его присутствие баюкало, ободряло и ощущалось как нечто завораживающе прекрасное.

Так или иначе, но чаще всего мужчины и женщины находили утешение в том, что есть объяснения миру, по сути своей загадочному, причем загадочность его обычно проявлялась в чем-то ужасном: ялик с десятком гребцов исчезал под водой где-то между причалом и массивным, стоявшим на якоре кораблем, груженным бочками со специями, контейнерами с порохом и ящиками с оловянной посудой, фарфором и текстилем. Тот ялик исчез безвозвратно. Только что моряки в доках отлично его видели. И вдруг небо закрыли тучи, полил дождь, и лодка не вынырнула из бурунов и пены, а тела так и не нашли.

И позднее не нашли.

Или тот фермер, которому бык проткнул рогом живот, и он через три дня, проведенных в непрерывной агонии, умер в своей постели. Как вы это объясните? К тому времени, когда его муки подошли к концу, перья и обертки кукурузных початков в большом мешке под ним были столь же красны, как и холстина, в которую они были завернуты. Никогда еще человек не истекал кровью так долго.

Три дня. По-библейски символично.

И все-таки. Все-таки.

Как вы объясните случай, когда муж сломал жене ногу кочергой, а затем приковал за пояс к плугу, чтобы она не сбежала с его участка? И кто после этого пропадает? Женщина прождала целый день, прежде чем начать звать на помощь.

Как вы объясните ураганы, уносящие в море целые причалы; пожары, изливающиеся в дом из очага и оставляющие после себя лишь две почерневшие трубы; как вы объясните засухи, голод и потопы? Как вы объясните смерть младенцев, смерть детей и — да — даже смерть стариков?

Никогда они не задавались вопросом «*Почему я?*». На самом деле они даже никогда не задавались более разумным вопросом «*Почему кто-либо?*».

Потому что знали. Они знали, *что* обитает снаружи, в дикой местности, и *что* обитало у них внутри и было, вероятно, еще более диким. Пусть добрые дела не могли ни на йоту изменить их суть: первородный грех — не выдумка, предопределение — не байка, но они могли быть знаменем. Добрым знаменем. К святости приобщались после освобождения от грехов.

Что до разводов... то они случались. Редко. Но случались. Развод разрешался. По крайней мере, официально. Досудебное примирение всегда было предпочтительнее тяжбы, поскольку в конце концов то была община святых. Во всяком случае, так было задумано. Реальные основания имелись постоянно: уход от супруга, нищета, двоебрачие, прелюбодеяние (которое поистине должно было караться смертной казнью, как завещал Господь в Книге Левит и Второзаконии, однако на деле ни одного прелюбодея так и не повесили), мужское бессилие, насилие.

Это был жестокий мир, но бить законного спутника жизни тем не менее не дозволялось.

По крайней мере, в тех случаях, когда он или она не давали к этому повода.

Мэри Дирфилд знала все это, знала потому, что Господь наделил ее исключительным умом, — что бы ее муж Томас ни говорил. И хотя мозг не помог Энн Хатчинсон¹ (сам Уинтроп² заявлял, что она навлекла на себя беду, когда

¹ Пуританка, в XVII веке проживавшая в английской колонии в Северной Америке и создавшая свое религиозное течение, не вписывавшееся в ортодоксальные рамки. Была осуждена и приговорена к изгнанию. *Прим. пер.*

² Американский государственный и религиозный деятель. *Прим. пер.*

слишком усердно старалась думать как мужчина) — а много позже он однозначно не поможет женщинам, повешенным как салемиские ведьмы, — Мэри своим разумением понимала, что не сделала ничего плохого и не заслуживает того, чтобы ее били, как тупую скотину. Она бы этого не потерпела. Судя по всему, ее мать и отец — благослови их Господь — тоже не стали бы требовать, чтобы она с этим мирилась.

Конечно, причиной послужило не только насилие с его стороны, и она даже не сводилась к их перепалкам. Не одна лишь его жестокость разрушила их брак, и в ловушку развода их завлекли силы, лежавшие за пределами ее разума. В какой-то момент она поняла, что иногда предпочитает присутствие лишь ангелов и своего Господа, а иногда, наоборот, многое отдала бы за компанию человека.

Потому что даже для разума столь острого, каким обладала Мэри Дирфилд, это было признание собственных низменных желаний и беспокойных демонов, поднимавших голову в минуты, когда свет вокруг мерк.